

В средней школе — уж не помню, на уроке биологии или географии — учитель как-то обронил фразу: «Суть любого вторжения заключается в прощупывании чужих границ».

Каким бы закрытым ни был биоценоз и какой бы враждебной ни казалась внешняя среда, стоит лишь одному чужеродному виду нагло закрепиться на новом месте, как дело можно считать наполовину выигранным.

Обороняя своё ленивое «пусть ещё полежит», Цинь Цзуй ни о чём таком, конечно, не думал. Ему вовсе не хотелось лишний раз заглянуть под широкие штанины домашних шорт Цзян Чу — просто тянуло побыть рядом. Побыл подольше.

С ним было спокойно.

Но когда Цзян Чу действительно разрешил ему не убирать загипсованную ногу со своих коленей, эти мысли сами собой всплыли в голове Цинь Цзуй.

Между людьми ведь всё устроено точно так же.

Стоит один раз успешно прощупать почву, как рамки дозволенного невольно раздвигаются.

Интересно, где у Цзян Чу пролегает граница личного пространства? Насколько близко он готов подпустить к себе человека?

При его лёгком, покладистом характере у него, скорее всего, и чётких-то рамок нет. Но одинаково ли он дружелюбен со всеми? Или всё-таки делит людей на категории — независимо от пола, по какому-то своему, внутреннему счёту?

Пока мысли Цинь Цзуй лениво блуждали где-то далеко, взгляд его оставался прикованным к экрану телевизора. Самому же Цзян Чу его каприз и впрямь не доставлял никаких хлопот. Всё равно заняться особо нечем, да и нога в гипсе не такая уж тяжёлая, чтобы коленям стало неважно. Пусть полежит.

Но за этим кажущимся безразличием крылась забавная, даже неожиданная для него самого мысль, от которой Цзян Чу едва сдерживал улыбку.

Это тихое «пусть ещё полежит» живо напомнило ему первые недели, когда он только притащил домой Чжоу Тэна. Беспородный, невзрачный котёнок поначалу дичился: шипел, не давался в руки и забивался в самые глухие углы, откуда не вылезал сутками. Понадобилась, казалось, целая вечность, чтобы зверёк наконец перестал его бояться, привык и начал подставлять пушистое брюшко под ладонь.

Вообще-то Цзян Чу никогда не горел желанием тискать животных — вечно от них шерсть на одежде, погладишь — и сразу иди переодевайся. Но сам этот путь — от яркого неприятия до робкой ласки — приносил ему ни с чем не сравнимое удовольствие. На душе становилось тепло, и просыпалось щемящее чувство гордости: приручил.

Вот и с Цинь Цзуюм сейчас вышло то же самое — парень сам попросил не убирать ногу.

Может, конечно, дело в том, что раненые и больные всегда становятся немного уязвимее и ищут тепла. Но если вспомнить, как в первые дни Цинь Цзуй взвизгивал на дыбы от малейшего прикосновения к спине, когда они чуть не подрались...

Цзян Чу мысленно усмехнулся:

«Кого я вообще вечно притаскиваю в дом?»

— Это что, фирменное проявление нежности от Цинь Цзуй? — Цзян Чу легонько потрепал парня по колену, будто погладил кошачью макушку. — И не стыдно тебе?

Цинь Цзуй моментально откrestился от столь сомнительного определения:

— Нет.

А затем упрямо добавил:

— Просто так удобно.

— Ну надо же, — хмыкнул Цзян Чу и, сложив пальцы щепотью, шутливо похлопал парня по голени, изображая клюющую зерно курицу.

Цинь Цзуй посмотрел на эти забавы как на чудачество чистой воды, но в уголках его губ промелькнула едва заметная тёплая улыбка.

— Ложись сегодня на мою кровать, — предложил он.

— Это ещё зачем? — удивился Цзян Чу.

— Твою я уже занял, — спокойно ответил Цинь Цзуй.

— Ишь, хватчик выискался. Если ты там лежал, мне теперь и зайти нельзя? — Цзян Чу искренне не улавливал ход его мыслей.

Цинь Цзуй вздохнул:

— Я не мылся толком, весь день ворочался на твоей постели с запылённым гипсом. Тебе самому брезгливо не будет?

— Проснулся бы пораньше да ушёл к себе — я бы и знать ничего не знал, — отмахнулся Цзян Чу.

Удивительное дело: он панически боялся больничной грязи, но эта брезгливость распространялась исключительно на него самого. Из-за того, что Цинь Цзуй прилёг на его простыни, Цзян Чу вовсе не собирался выбрасывать матрас.

— Или тебе просто на моей постели слаще спится? — любопытствовал он, прищурившись.

Словно у самого Цинь Цзуйа матрас был жёстким, а бельё — недостаточно мягким.

Разумеется, Цинь Цзуй ни за что бы не признался, что ему просто безумно нравился тонкий, едва уловимый аромат, исходящий от подушек Цзян Чу. Сказать такое — расписаться в собственной ненормальности.

Бессмысленный спор сошёл на нет сам собой. В итоге каждый остался при своём: разошлись по комнатам и улеглись в собственные постели.

На пятый день домашнего ареста Цинь Цзую позвонил Гао Ся. Назвался проведать больного и заодно привезти накопившиеся за неделю домашние задания.

— Один придёшь? — спросил Цинь Цзуй. Находясь на кухне, он лениво помешивал бульон в кастрюле и по привычке повёл плечом, прияхиваясь к собственной футболке.

— Сам-то как думаешь? — хмыкнул на другом конце провода Гао Ся. — Разве Лу Яо упустит такой шанс? Да и Ду Мяомяо увязался.

— Я же просил тебя их не брать, — с досадой вздохнул Цинь Цзуй.

— Имей совесть, друг, — взмолился Гао Ся. — Разве эту девушку уложишь на лопатки? Ты сам её динамишь почитай целое полугодие, а она всё никак не сдаётся. По уши втрескалась, тут уж ничего не поделаешь.

Не дожидаясь ответа, он торопливо добавил:

— К тому же они идут с чистым сердцем, навестить больного товарища. Не мог же я им заявить: «Слушайте, сидите дома, у Цинь Цзуй от вас голова раскалывается, так что я пойду один». Это же жутко обидно.

— Да незачем это всё. Я через пару дней сам в школу вернусь, — отрезал Цинь Цзуй.

— Да брось, главное для нас — легально прогулять уроки, — честно признался Гао Ся. — Твоё здоровье на втором месте, нам просто нужен благовидный предлог, чтобы где-нибудь зависнуть.

Раз уж Гао Ся выложил всё как есть, упорствовать не имело смысла. Придерживая телефон плечом, Цинь Цзуй свободной рукой приоткрыл крышку кастрюли и принялся снимать пену с бульона.

— Ладно, приходите завтра. Только дай мне время прибраться. И чур сегодня вечером не заявляться без предупреждения.

— Решил наконец-то помыться? — расхохотался Гао Ся. — Небось за эти дни уже пропах кислятиной в четырёх стенах?

— Всё, пока, — бросил Цинь Цзуй и нажал на отбой. Больше препираться не хотелось.

Вымыться действительно стоило. Даже если не лезть под душ целиком, нужно хотя бы помыть голову и хорошенько обтереться.

Пару дней назад Цинь Цзуй уже порывался обмотать гипс пищевой плёнкой и забраться в ванную, но Цзян Чу костыми лёг, не пустил. Побоялся, что парень поскользнется на влажном кафеле и расшибёт себе лоб — это ещё в лучшем случае. А ну как бедолага приземлится на больную ногу и окончательно разворотит сустав?

Выключив плиту, Цинь Цзуй зашёл в ванную, критически оценил масштабы бедствия, притащил из прихожей круглый кожаный пуфик, а из кухни прихватил рулон пищевой плёнки.

Цзян Чу вернулся домой с увесистым пакетом готовой еды. Стоило ему переступить порог, как в нос ударил густой, умопомрачительный аромат наваристого костного бульона. А следом до ушей донёсся бодрый шум льющейся воды из ванной.

«Да ладно?»

Развалившийся прямо перед дверью Чжоу Тэн лениво завалился на бок, демонстрируя хозяину пушистое пузо, но не успел он толком перекатиться, как Цзян Чу аккуратно отодвинул его мыском домашнего тапка.

— Цинь Цзуй! Ты что там удумал? — крикнул Цзян Чу, без церемоний распахивая дверь в ванную.

Цинь Цзуй сидел спиной к выходу на кожаном пуфике, вытянув загипсованную конечность на другой подставке. Он как раз собирался в чём мать родила хорошенько намылить бёдра, когда этот бесцеремонный вторженец застал его врасплох. Опешив от неожиданности, парень сердито свёл брови у переносицы и зыркнул через плечо:

— Дверь закрой!

— Ой... — вырвалось у Цзян Чу. Он-то думал, что Цинь Цзуй с глупой отвагой мокнет под душем стоя, но вместо этого застыл на пороге, залюбовавшись чужой спиной. В тёплом янтарном свете обогревателя рельефные мышцы лоснились от влаги, а крупные капли воды лениво сбегали по ложбинке позвоночника к узким упругим бёдрам. Картина и впрямь завораживала.

— На гипс же брызгает! Плётку-то нормально намотал? — Хотя приличия требовали немедленно ретироваться, Цзян Чу помедлил на пороге и всё же шагнул внутрь, терзаемый сомнениями.

— Ты... — Цинь Цзуй даже рта открыть не успел, чтобы выставить его вон. Ему оставалось лишь судорожно набросить мокрое полотенце на колени, прикрывая наготу.

Цзян Чу потянул из стопки чистое сухое полотенце и бережно просушил капли на защитной плёнке, тщательно прощупывая края.

— Давно сидишь? — спросил он.

— Только начал, — Цинь Цзуй шумно выдохнул сквозь зубы и осторожно отвёл руку Цзян Чу в сторону.

— Ну тогда... — Взгляд Цзян Чу невольно скользнул по брошенному полотенцу, задержался на секунду и тут же метнулся в сторону потолка. — Помощь нужна? Спину там потереть?

— Сам справлюсь, — поспешно отрезал Цинь Цзуй. — Выйди, а.

— Ладно-ладно. — Цзян Чу придвинул поближе флакон с гелем для душа, послушно направился к выходу, но у самой двери обернулся и с ухмылкой бросил: — И чего ты там прячешь? Я уже всё равно всё разглядел.

Цинь Цзуй на секунду окаменел, а затем растерянно опустил глаза.

Цзян Чу, не в силах сдерживать довольный хохот, скрылся за дверь.

Когда чистый и переодевшийся Цинь Цзуй наконец прихромал в гостиную, Цзян Чу уже успел разлить суп по пиалам и разложить по тарелкам купленные деликатесы.

— Ну как, полегчало? — Цзян Чу протянул ему палочки для еды.

— Угу, — отозвался Цинь Цзуй. Устроившись за столом, он добавил: — Завтра Гао Ся с ребятами придут. Обещали домашку занести.

— Так ты ради этого марафет наводил? — Цзян Чу сверился со временем в телефоне. — Во сколько они будут? Мне завтра на работу к девяти.

— Иди спокойно, — Цинь Цзуй явно не горел желанием устраивать затяжные посиделки. — К твоему возвращению они уже разбегутся.

— Тогда я закажу вам доставку на обед, — Цзян Чу окинул взглядом комнату. Надо бы прибраться перед приходом гостей. С тех пор как Цинь Цзуй повредил ногу, в доме воцарился лёгкий творческий беспорядок.

— Кстати, о друзьях, — вспомнил Цзян Чу. — На днях звонил Лао Ду, спрашивал, как твоя лодыжка. Я сказал, что ничего страшного. Он перевёл пару сотен юаней, просил купить тебе чего-нибудь вкусного на его долю.

Цинь Цзуй молча кивнул в ответ.

— А Лян Сяоцзя что, совсем перестал объявляться? — внезапно спросил Цзян Чу.

— Больше не звонит, — Цинь Цзуй вскинул глаза. — А что?

— Да так, к слову о твоих приятелях вспомнилось. — Цзян Чу не чувствовал особого голода: днём Тан Цай заказывала в офис пиццу и десерты. Он лениво подцепил палочками ломтик бамбука и принялся неторопливо его жевать. — Значит... ты ему отказал?

Во время того странного, сумбурного визита Лян Сяоцзя они с Цинь Цзуем никак не прокомментировали свои отношения. Цзян Чу, разумеется, из вежливости расспрашивать не стал. Но сложить два и два труда не составляло. Лян Сяоцзя прекрасно знал о предпочтениях Цинь Цзуй. До своей поездки он обрывал телефон и заваливал парня сообщениями в вичате, а стоило погостить денёк — и как отрезало. Варианта тут виделось всего два: либо парень сам решил отступить, либо получил вежливый, но твёрдый отворот-поворот.

Цинь Цзуй не стал спорить, но и подтверждать догадку не спешил. Он просто невозмутимо

прихлёбывал бульон, глядя прямо в глаза Цзян Чу.

— Ладно тебе, просто праздное любопытство. Не хочешь — не рассказывай, — Цзян Чу заерзал под этим пристальным, изучающим взглядом. Ему сделалось неловко, словно его поймали на подглядывании в замочную скважину.

Цинь Цзуй молчал не из вредности — просто искренне не понимал, что тут обсуждать.

— Кем ты меня считаешь, когда мы вот так общаемся? — неожиданно спросил он.

— Я? Тебя? — Опешив от столь резкой смены темы, Цзян Чу на секунду завис. В голове пронёсся целый рой путаных, нелепых мыслей. — Младшим братом, конечно. Кем же ещё?

— Вот и я отношусь к Лян Сяоцзя точно так же, — Цинь Цзуй опустил ресницы и снова принялся за суп.

— А-а, — протянул Цзян Чу, понимающе кивая.

— Его чувства — это его личное дело. Но с моей стороны к нему никогда ничего не было, — ровно добавил Цинь Цзуй. — А раз нет взаимности, то и обнадёживать человека я не стану.

С тех пор как Цзян Чу умудрился поймать вполне недвусмысленный отклик собственного тела во время просмотра того пикантного ролика, его не на шутку одолело любопытство. В свободное время он, помимо чтения медицинских статей о вывихах суставов на Байду, то и дело наткался на разные материалы о мужской любви. Откровенно говоря, волосы дыбом вставали от прочитанного. Реальность разительно отличалась от красивого кино. На тематических форумах и пабликах царил форменный хаос: сплошные объявления о мимолётных встречах на одну ночь и ни намёка на искреннюю, чистую привязанность.

Цзян Чу понятия не имел, баловался ли Цинь Цзуй подобным экстримом. Те редкие попытки вывести парня на откровенный разговор каждый раз заканчивались тем, что тот ловко уходил от ответа. Молодой, горячий парень в самом расцвете пубертатного периода, у которого гормоны бурлят круглые сутки — поневоле начнёшь крутить в голове всякие нехорошие сценарии.

Однако спокойный и рассудительный тон Цинь Цзуй его утихомирил. Стало очевидно, что у парня есть чёткие внутренние ориентиры и бросаться во все тяжкие ради банального удовлетворения похоти он не станет. У Цзян Чу прямо от сердца отлегло.

— И всё же, как ты вообще понял, что тебе нравятся парни? — Цзян Чу с завидным упрямством вернулся к терзавшему его вопросу. — Расскажи, мне правда интересно.

Цинь Цзуй допил остатки супа, закинул в рот сладкий сушёный финик и откинулся на спинку

стула. Он молча созерцал Цзян Чу, неторопливо пережёвывая угощение.

— Чего уставился? Скажешь наконец или нет? — Цзян Чу тоже потянулся к тарелке за фиником.

Цинь Цзуй расправился с косточкой, ловким щелчком выбил из пачки сигарету и прикусил фильтр губами, просто чтобы поддержать во рту. Поднявшись со стула, он не спеша направился к себе.

— Я же предлагал тебе проверить лично, ты сам отказался. Так что теперь гадай.

<http://bllate.org/book/18398/1868463>